

Эмилия Руэте

Принцесса Занзибара

Женщины
при дворе султана

Gelga Gahga

Эмилия Руэте

**Принцесса Занзибара. Женщины
при дворе султана Сеида Саида**

«Центрполиграф»

Руэте Э.

Принцесса Занзибара. Женщины при дворе султана Сеида Саида /
Э. Руэте — «Центрполиграф»,

Остров Занзибар, захваченный оманским султаном Сеидом Саидом, в XIX веке переживал эпоху подъема. В нескольких дворцах султана в окружении многочисленной челяди росли почти сорок принцев и принцесс. Дочь султана Салама бинт-Саид рассказывает в этой книге о своем радостном детстве и о том, как после смерти отца она, пережив череду дворцовых переворотов, вышла замуж за немецкого коммерсанта и перешла в христианство под именем Эмилии Руэте. Принцесса удивительно точно воссоздает систему отношений в гареме, излагает свои взгляды на положение восточной женщины, разъясняет все тонкости восточного этикета.

Содержание

Введение	5
О подлинности этих мемуаров	7
Предисловие	8
Глава 1	9
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Эмилия Руэте

Принцесса Занзибара. Женщины при дворе султана Сеида Саида

Введение

Занзибар – остров возле восточного побережья Африки, в изобилии производящий гвоздику, сахарный тростник, пряности и кокосы. Но не это составило основу его благосостояния. В начале XIX века в Африке свой расцвет переживала работорговля. Рабов караванами привозили из Центральной Африки в такие восточноафриканские порты, как Занзибар, а потом на кораблях доставляли в порты Красного моря и Индийского океана. Султан Занзибара получал крупную сумму денег, взимая таможенный сбор за каждого раба, проходившего через его порт, благодаря чему стал очень богат. Прибыльная торговля слоновой костью и пряностями тоже была одним из источников пополнения казны.

Салама бинт-Саид, дочь Сеида Саида, султана Занзибара, Омана и Маската, написавшая эту свою биографию, родилась 30 августа 1844 года. Матерью Саламы была Джилфидан, наложница-черкешенка¹, которая воспитала свою дочь в гареме султанского дворца.

Когда Салама бинт-Саид в 1880 году писала мемуары, она уже покинула свой дом, чтобы выйти замуж за немецкого коммерсанта, приняла христианство, сменила имя на другое – Эмилия Руэте, была уже вдовой и одна растила троих детей в изгнании, в Германии. Ее жизнь – жизнь женщины, которая была отвергнута своей любимой семьей за то, что нарушила незыблемые традиции, – в значительной мере была борьбой и в вопросах денежных, и в мире чувств, и в сфере общественной морали.

Создавая свои воспоминания, Салама пыталась заработать деньги для семьи, но, кроме того, и это было важнее, осуществляла сокровенное желание рассказать детям о своем прошлом и своем наследстве. И рассказ Саламы о ее детстве на Занзибаре, и ее рассказ о ее второй жизни молодой вдовы и матери в чужой стране поистине уникальны. Книга была написана и опубликована в 1886 году, когда Саламе бинт-Саид было сорок два года. Это первая известная нам биография арабской женщины. Она начинается с описания своего детства и жизни в султанском гареме. Ее отец умер, когда ей было всего двенадцать лет, и в результате жизнь страны долгое время была омрачена семейными распрями и борьбой за власть. Салама ярко описывает жизнь во дворце султана Занзибара и на плантациях, подробно рассказывает о традициях и обычаях, придворных интригах, переворотах, гареме, рабах, праздниках, нравах, положении женщин и многом другом. Безошибочно понимая оба очень разных мира, Салама сравнивает жизнь на Занзибаре с жизнью в Германии и ведет отчаянную борьбу, отстаивая право быть самой собой, на этом пространстве между двумя культурами.

Принцесса выросла разговаривая на двух языках – арабском и суахили, и провела первые годы жизни у моря, во дворце Бет-иль-Мтони. В 1851 году она переехала во дворец своего брата Маджида, который позже стал султаном. Брат позволял ей выходить из дворца, что было необычно для арабских женщин, поощрял ее занятия верховой ездой и стрельбой. К этому времени Салама самостоятельно научилась читать и писать – факт, почти неслыханный для арабских женщин того времени. Когда в 1856 году ее отец умер, принцесса в двенадцать лет была объявлена совершеннолетней и получила свою долю отцовского наследства – плантацию,

¹ Черкесами называют себя потомки переселившихся в XIX веке в Турцию кавказских горцев. Ныне живут в Турции, Сирии и других странах Ближнего Востока. (Примеч. ред.)

дом и 5429 фунтов. Ее брат Маджид стал султаном Занзибара, а другой брат, Сайид Туэни бин-Саид аль-Саид, – султаном Омана и Маската. Когда в 1859 году умерла ее мать, Салама получила второе наследство – три плантации.

Ее братья сражались один против другого, и Салама оказалась в центре этих столкновений, что привело к неприязни между нею и царствующим братом Маджидом, ведь она, пусть и невольно, поддержала их брата Баргаша, который неудачно попытался захватить трон Занзибара.

Салама часто отлучалась из дома, хотя много лет не отъезжала далеко от места, где родилась. Там она познакомилась с немецким коммерсантом Рудольфом Генрихом Руэте, и скоро между ними началась запретная любовь. Поползли недобрые слухи, и, когда Саламу заподозрили в том, что она беременна, девушка бежала от своей недовольной семьи на британском военном корабле в Йемен. Там она перешла в христианскую веру, вышла замуж за Руэте и уехала с ним в Германию, в город Гамбург. Салама, которую теперь звали Эмилия Руэте, родила троих детей. Примерно в 1870 году ее муж погиб в результате аварии и оставил ее одну без денег с тремя маленькими детьми. Несчастная женщина попыталась получить с Занзибара свое наследство, но после ее отъезда ее имущество и деньги были конфискованы, и власти отказались их вернуть. Два раза, в 1885 и в 1888 годах, вдова приезжала на Занзибар. Именно в это время немецкие политики попытались колонизировать этот остров, посадив там султаном сына Эмилии. К несчастью, план не удался, и бывшая принцесса стала еще более чужой для своей семьи. С 1889 до 1914 года Эмилия часто приезжала к детям в Европу, а жила в ливанском городе Бейруте или в Яффе. Затем она вернулась в Германию и в 1924 году умерла от воспаления легких.

Эта книга очарует всех, кого интересует история Среднего Востока, изучение культур других стран или волнуют женские судьбы. Добро пожаловать в детство принцессы Саламы с королевскими привилегиями и семейной враждой, в ее захватывающие приключения с тем, кто был ее первой любовью, в ее жизнь одинокой вдовы с тремя маленькими детьми в Германии второй половины XIX века, в ее путешествие на родину с мыслью вернуть себе королевское наследство. Все это – мемуары принцессы Занзибара.

Шелли Кронзек

О подлинности этих мемуаров

Сочинение, перевод которого предлагается здесь читателю, первоначально было опубликовано одной берлинской фирмой в 1886 году под названием *Memoiren einer arabischen Prinzessin*. За этим изданием немедленно последовало английское, которое, кажется, вызвало мало интереса, поскольку и немецкая, и английская версии книги скоро были забыты и перестали печататься. Для мира в целом Черный континент и его народы тогда значили меньше, чем теперь.

По поводу этих мемуаров возникает вопрос, подлинные ли они. Об исторических событиях – например, о долгом споре Баргаша по поводу права его брата Маджида наследовать престол – кто угодно мог знать достаточно подробностей для вольного пересказа. Но в этой книге есть интимные подробности, которые указывают на необыкновенно точное знание арабской жизни в целом и жизни в гареме правителя Занзибара в частности. Была ли создательница мемуаров действительно дочерью султана, которая бежала из родной страны и поселилась в Германии, став женой немецкого коммерсанта? Подобное романтическое предположение нуждалось в доказательствах, и потому английский издатель послал письмо правительственному служащему, который был хорошо осведомлен обо всем, что касалось африканских колоний. И получил ответ, всю значимость которого может оценить только тот, кто внимательно прочитал мемуары. Вот этот ответ:

«Я проконсультировался с одним признанным авторитетом, самым лучшим. Он не желает, чтобы его имя было упомянуто, но можно считать абсолютно достоверным следующее.

Такая дама действительно существовала. Ее звали Салама бинт-Саид, а став христианкой, она приняла имя Эмилия. Она была одной из дочерей Сеида Саида, султана Омана, Маската и Занзибара, а значит, сестрой Маджида, который унаследовал после него трон Занзибара, и Баргаша, который правил после Маджида. Руэте был немецким коммерсантом, а она, к несчастью, забеременела от него. Она бежала с Занзибара в Аден, там родился ее ребенок, и там она вышла за Руэте, который тоже посчитал целесообразным покинуть Занзибар.

Руэте погиб во время несчастного случая, попав под трамвай, и тогда она приняла титул принцессы, на который имела право по рождению. Я не могу сказать, потеряла ли она это право, когда вышла за Руэте. Ей очень покровительствовали люди, занимавшие в Германии высокое положение. Позже она, кажется, много интриговала вместе с немцами – Бисмарком и другими, которые думали, что смогут каким-нибудь образом ее использовать, но в конце концов они ее бросили.

Она также переписывалась с султаном Баргашем, но он не согласился с ее мнением и вообще не признал за ней никакого титула и ранга. Она показывала эти свои письма британскому агенту. Что касается ее переговоров с Фрером, я ничего не смог узнать о них, но думаю, что в основном ваши сведения верны».

Предисловие

Девять лет назад у меня возникла мысль записать некоторые факты, чтобы рассказать о них моим детям, которые тогда знали о моем происхождении только то, что я арабка и приехала с Занзибара. Тогда, обессиленная телом и душой, я не надеялась дожить до того времени, когда они вырастут, и не думала, что смогу рассказать им о событиях моей молодости и о своей судьбе. Поэтому я приняла решение записать историю своей жизни на бумаге. Первоначально мои мемуары были предназначены не для широкой публики, а для моих детей, которым я хотела завещать их как наследство любящей матери. Но в конце концов, после настойчивых убеждений, я согласилась отдать их в печать.

Я закончила их несколько лет назад, и только последняя глава была добавлена недавно. Она написана благодаря моей поездке вместе с моими детьми на мою прежнюю родину, Занзибар. Пусть эта книга идет в мир и встретит так же много друзей, как повезло найти мне.

*Эмилия Руэте,
принцесса Занзибара*

Глава 1

История семьи

Дворец Бет-иль-Мтони. – Бани. – Верховая езда и другие развлечения. – Отец принцессы Саламы. – Как была куплена ее мать. – Главная жена и младшие жены Сеида Саида. – Его дети. – Бенджиле. – Вопрос дисциплины. – Брат Маджид стал совершеннолетним. – Переезд будущей создательницы мемуаров из одного дворца в другой.

Я появилась на свет в Бет-иль-Мтони, нашем самом старом дворце на острове Занзибар, и в нем я жила до седьмого года моей жизни. Бет-иль-Мтони расположен в очаровательном месте на берегу моря на расстоянии примерно пяти миль от города Занзибара в роще из великолепных кокосовых пальм, манговых деревьев и других тропических гигантов. Место, где я родилась, получило свое имя от маленькой речки Мтони, которая, проделав короткий путь из внутренней части острова, делится на несколько рукавов, которые протекают по территории дворца, и сразу за дворцом впадает в тот красивый сверкающий водный поток, что отделяет Занзибар от Африканского материка.

На все множество зданий, из которых состоит дворец, приходится всего один просторный двор, и по причине разнообразия построек – они, вероятно, создавались постепенно, по мере необходимости – все в целом имеет скорее отталкивающий, чем привлекательный вид. Бесчисленные переходы и коридоры сбивали с толку непосвященного человека. Комнат во дворце тоже было столько, что невозможно сосчитать; я уже не помню в точности, как они были расположены, но очень хорошо помню бани Бет-иль-Мтони. В дальнем конце двора располагались в ряд двенадцать бассейнов, и, если шел дождь, это любимое место отдыха можно было посетить только под зонтом. Так называемые «персидские» бани стояли в стороне от остальных. На самом деле так называли турецкие бани, и других на Занзибаре не было. Каждая баня состояла из двух бассейнов, каждый размером примерно четыре на три ярда, а вода в них доходила до груди взрослому человеку. Это место пользовалось большой популярностью у обитателей дворца, большинство которых имели привычку проводить здесь по несколько часов – молиться, делать свою работу, читать, спать, даже есть и пить. С четырех часов утра и до двенадцати ночи здесь наблюдалось постоянное движение, поток входящих и выходящих людей никогда не прерывался.

Тот, кто входил в одну из бань, выстроенных по одному и тому же плану, видел два помоста, один справа, другой слева, покрытые изящно сплетенными циновками, на которых можно было молиться или просто отдыхать. Здесь было запрещено все, что можно считать роскошью, например ковры. Предполагается, что мусульманин должен всегда надевать для молитвы особую одежду, желательно белую, и использовать ее только для означенной цели. Конечно, этому достаточно трудному для исполнения правилу следуют только очень набожные люди. Между помостами и бассейнами возводились узкие колоннады, у которых не было никакой крыши, кроме голубого свода небес. Изогнутые каменные мостики и лестницы вели в другие помещения, и каждое было совершенно отдельным от остальных. У каждой бани были свои посетители, потому что – это нужно знать – в Бет-иль-Мтони практиковалась суровая система сословных различий, которой строго следовали и высшие и низшие.

Апельсиновые деревья такой же высоты, как самые высокие вишни здесь, в Германии, обильно цвели вдоль всего фасада бань, и в их ветвях мы, испуганные дети, много раз укрывались от нашей ужасно суровой учительницы. Люди и животные очень дружно жили вместе на этом большом дворе, нисколько не мешая друг другу: газели, павлины, фламинго, гвинейские куры, утки и гуси бродили по нему как хотели, а люди, старые и молодые, ласкали и кормили

их. Для нас, малышей, огромным наслаждением было собирать яйца, лежавшие на земле, особенно огромные яйца страусов, и относить их главному повару, который вознаграждал нас за труды лучшими леденцами.

Два раза в день, рано утром и вечером, мы, дети – те, кто был старше пяти лет, – учились на этом дворе верховой езде, и это нисколько не беспокоило наших друзей-животных; а уроки давал один из евнухов. Как только мы начинали достаточно хорошо ездить верхом, отец дарил нам наших собственных верховых животных: мальчикам – лошадям из султанских конюшен, а дочерям – красивых белых мулов из Маската в богато украшенной сбруе. Верховая езда – любимое развлечение в стране, где неизвестны театральные постановки и концерты, и у нас иной раз устраивали скачки на равнине за пределами дворца, которые часто кончались несчастным случаем. Однажды я чуть не погибла во время одной такой скачки. Я очень не хотела, чтобы мой брат Хамдан обогнал меня, мчалась вперед бешеным галопом и не замечала впереди большую наклонившуюся пальму. Я обратила внимание на это препятствие, только когда чуть не разбила о него голову, и, рывком откинувшись назад, успела избежать катастрофы, но очень испугалась.

Характерной особенностью Бет-иль-Мтони было множество лестниц, очень крутых и со ступенями рассчитанными, должно быть, на Голиафа. И, несмотря на это, человек шел прямо вперед, все выше и выше, не имея перед собой ни единой площадки и ни единого поворота, так что у него почти не было надежды добраться до верхнего конца, если он не подтягивался вверх, держась за примитивную балюстраду. Эти лестницы были так изношены, что балюстрады приходилось постоянно чинить, и я помню, как испугались все в нашем крыле дворца, когда однажды утром обнаружили, что оба поручня ночью сломались; помню, в тот день я удивлялась, что на этих страшных наклонных лестницах не произошло ни одного несчастного случая, хотя за целые сутки по ним прошло вверх и вниз множество людей.

Поскольку жители Занзибара незнакомы со статистикой, никто не знал, сколько в точности людей жило во дворце Бет-иль-Мтони, но, если бы мне пришлось рискнуть и сделать приблизительный подсчет, я думаю, не преувеличила бы, если бы сказала, что общее количество его обитателей – тысяча человек. И это большое число не покажется слишком огромным, если учесть, что на Востоке каждый, кто хочет, чтобы его считали богатым и влиятельным, должен иметь целую армию слуг. Не менее многолюдным был, по сути дела, и городской дворец моего отца, который назывался Бет-иль-Сахель, то есть Дом на берегу. Отец имел привычку каждую неделю проводить три дня там, а четыре в Бет-иль-Мтони, где жила его главная жена, которая была его дальней родственницей.

Мой отец Сеид Саид носил два титула – султан Занзибара и имам Маската, причем титул имам – религиозный, и первым его носил мой прадед Ахмед; более того, это наследственный титул, который каждый член нашей семьи имеет право прибавлять к своей подписи.

Как одна из младших детей Сеида Саида, я никогда не знала его без вызывающей почтенной белой бороды. Он был выше среднего роста, его лицо выражало необычную доброту и любезность, хотя в то же время его внешний вид мог мгновенно внушить уважение к нему. Несмотря на свою любовь к войне и завоеваниям, он был для нас образцом и как отец, и как правитель. Для него величайшим идеалом была справедливость, и, если был нарушен закон, он не делал различия между одним из собственных сыновей и обычным рабом. Прежде всего, он был само смирение перед Всевышним. В отличие от очень многих людей, занимающих высокое положение, он по природе был чужд высокомерию и гордости, и не один раз случалось, что, когда обычный, но долго и верно служивший раб женился, мой отец приказывал оседлать коня и ехать один к молодоженам, чтобы лично высказать им свои добрые пожелания.

Моя мать была по происхождению черкешенкой. Вместе с братом и сестрой она мирно жила на ферме отца. Внезапно началась война, страну захватили полчища мятежников, и маленькая семья укрылась «в месте, которое было под землей» – так называла это моя мать;

вероятно, она имела в виду подвал: их нет на Занзибаре. Но эти отчаянные головорезы отыскали их, убили обоих родителей моей матери, а троих детей увезли на коне. До моей матери так никогда и не дошло никаких известий ни о судьбе брата, ни о судьбе сестры. Должно быть, мой отец стал ее владельцем, когда она была еще очень мала, потому что она потеряла свой первый зуб в его доме и была воспитана вместе с двумя из моих сестер, которые были одного с ней возраста, как их подруга. Как они, она научилась читать, и это было достижением, вызвавшим ее над другими женщинами ее положения, которые обычно попадали во дворец в шестнадцать или восемнадцать лет и в этом возрасте, конечно, вовсе не желали сидеть на твердой школьной циновке вместе с малолетками. Она была некрасивой, но высокой и хорошо сложенной, и глаза у нее были черные; черными были и ее волосы, которые спускались до коленей. Она была ласковой и доброй, и ничто не было ей приятнее, чем помочь кому-то, кто мог оказаться в беде. Она всегда была готова пойти к больному и даже ухаживать за больным как сиделка. До сегодняшнего дня я помню, как она ходила от постели одного заболевшего к постели другого с книгой в руке, читая им благочестивые утешительные советы.

Моя мать имела большое влияние на Сеида Саида, который редко отказывался исполнить ее желания, хотя большая часть ее просьб была о других. И когда она приходила увидеться с ним, он вставал и делал шаг ей навстречу, а это был очень заметный знак отличия. Имея от природы мягкий и спокойный характер, она отличалась скромностью и во всех делах вела себя честно и открыто. Выдающимся умом она не отличалась, зато шила с изумительным мастерством. Для меня она была нежной любящей матерью, что, однако, не мешало ей сурово наказывать меня, когда я этого заслуживала. В Бет-иль-Мтони у нее было много друзей, а это редкость для женщины из арабского дома. Никто не мог бы сильнее верить в Бога. Я вспоминаю пожар, который случился в конюшнях в одну из лунных ночей, когда мой отец был в городе со своей свитой. При ложной тревоге, когда сообщили, будто бы наш дом загорелся, моя мать взяла под одну руку меня, а под другую свой большой Коран и выбежала из двери. В момент опасности ее больше ничто не интересовало.

Насколько я помню, мой отец, которого называли Сеид или султан, имел, с тех пор как я родилась, только одну главную жену. Остальных, младших жен, которых, когда он умер, насчитывалось семьдесят пять, он покупал время от времени. Его главная жена Азза бинт-Сеф, из семьи монархов Омана, была в его доме абсолютной владычицей. Хотя рост у нее был маленький и внешность неприметная, она имела над своим мужем необыкновенную власть, султан охотно соглашался со всеми ее замыслами. По отношению к другим женам Сеида и к его детям она вела себя властно, высокомерно и придирчиво; счастье еще, что у нее не было своих детей, иначе ее тирания наверняка была бы невыносимой. Все дети моего отца – а их было тридцать шесть, когда он умер, – родились от младших жен, поэтому мы все были равны, и не нужно было поднимать вопрос о том, кто выше родом.

Эту главную жену, к которой надо было обращаться «ваше высочество» (по-арабски это звучит Сеид, а на суахили Биби), ненавидели и боялись молодые и старики, высшие и низшие, и не любил никто. До сегодняшнего дня я помню, как сурово и чопорно она проходила мимо всех, очень редко улыбаясь или роняя хотя бы слово. Насколько отличался от нее наш добрый отец! Он всегда находил теплое приветствие для любого, кто бы это ни был – знатный человек или простой подчиненный. Но моя высокородная и могущественная мачеха знала, как держаться на высоте своего положения, и никто никогда не смел приблизиться к ней без специального приглашения. Я никогда не видела, чтобы она выходила куда-либо без большой свиты, кроме тех случаев, когда она шла вместе с султаном в их баню, предназначенную только для их пользования. Внутри дворца любой, кто встречал ее, чувствовал тот священный трепет, который здесь испытывает рядовой солдат в присутствии генерала. Таким образом, все без труда чувствовали, как высоко она себя ставит. Правда, в общем и целом это не очень нарушало очарование жизни в Бет-иль-Мтони. Обычай требовал, чтобы все мои братья и сестры каждое

утро приходили к ней пожелать ей доброго утра, но мы чувствовали к ней такое отвращение, что почти не было случая, чтобы кто-то из нас пришел к ней до завтрака, который подавали в ее покоях, и она теряла значительную часть того почтения к себе, которое так любила внушать.

Некоторые из моих старших братьев и сестер по возрасту годились мне в деды и бабки, а у одной из моих сестер был сын с седой бородой. В нашем доме не оказывали предпочтения сыновьям перед дочерьми, как воображают немцы. Я не знаю ни одного случая, когда отец или мать заботились бы о сыне больше, чем о дочери, только потому, что он – сын. Это ошибочное мнение. Хотя закон дает детям мужского пола некоторые привилегии и преимущества, например при распределении наследства, в доме обращаются с детьми одинаково. Вполне естественно и очень по-человечески, что иногда одного ребенка предпочитают другому, и в Германии, и в далекой южной стране, хотя это предпочтение может не быть явным. Так было и у моего отца, только по воле случая его любимыми детьми были не мальчики, а две из моих сестер – Шарифе и Холе. Однажды мой младший брат-непоседа Хамдан – нам обоим тогда было около девяти лет – случайно попал мне в бок стрелой. Правда, не причинив мне большого вреда. Когда об этом деле стало известно моему отцу, он сказал: «Салама, пришли Хамдана сюда» – и так отругал моего обидчика, что у того потом много дней не проходил звон в ушах.

Самым приятным местом в Бет-иль-Мтони было *бенджиле* – большая круглая открытая постройка поблизости от моря, перед главным зданием; в ней можно было бы устраивать балы, если бы у нашего народа был такой обычай. Это бенджиле было немного похоже на карусель, потому что его крыша тоже была круглой. Крыша в форме шатра, пол и балюстрады – все это было из окрашенного дерева. Здесь мой дорогой отец имел обыкновение часами ходить вперед и назад, склонив голову и погрузившись в глубокие размышления. Он немного прихрамывал: во время одного из сражений пуля попала ему в бедро, осталась там навсегда, мешала ему ходить и иногда причиняла боль. По всему бенджиле были расставлены плетенные из тростника стулья – их было очень много, я уверена, что несколько дюжин, – но, кроме них и огромного телескопа, которым могли пользоваться все, там не было ничего. Вид с этой нашей круглой смотровой площадки был великолепный. Султан имел привычку два или три раза в день пить там кофе с Аззой бинт-Сеф и всеми своими взрослыми отпрысками. Любой, кто хотел поговорить с моим отцом наедине, мог в определенные часы найти его в этом месте. Напротив бенджиле круглый год стоял на якоре военный корабль «Иль-Рамани», задачей которого было каждый день будить нас выстрелом из пушки в месяц поста и поставлять гребцов на шлюпки, которыми мы очень часто пользовались. Перед бенджиле стояла высокая мачта для поднятия сигнальных флажков, означавших приказ нужным шлюпкам и матросам прибыть к берегу.

Что касается нашей кухни, то и в Бет-иль-Мтони, и в Бет-иль-Сахель преобладали арабские и персидские, а также турецкие кушанья, потому что в обоих жилищах жили люди разных рас. Среди них были в полной мере представлены и чарующая красота, и другая крайность. Нам была разрешена только арабская одежда, а чернокожие носили одежду народа суахили. Если черкешенка приезжала в своей развевающейся одежде или абиссинка в своих причудливых драпировках, и та и другая были обязаны в течение трех дней сменить одежду. Так же как в Германии каждая приличная женщина считает обязательными дополнениями к одежде шляпу и перчатки, на Востоке совершенно необходимо носить украшения. Это требование так строго, что украшения можно увидеть даже на нищенках, когда те просят подаяние.

В своем занзибарском дворце и в своем оманском дворце, который находился в Маскате, мой отец имел сокровищницы, полные испанских золотых монет, английских гиней и французских луидоров, но там были также все виды ювелирных и подобных им драгоценных женских украшений, от простейших безделушек до диадем, украшенных алмазами; все это было приобретено для того, чтобы быть подаренным. Каждый раз, когда в семье случалось прибавление благодаря покупке еще одной младшей жены или – очень часто – рождению нового принца или принцессы, дверь сокровищницы открывалась, чтобы новый член семьи мог полу-

чить достойные дары соответственно его или ее званию и положению. Если рождался ребенок, султан обычно посещал мать и малыша на седьмой день после рождения и тогда приносил украшения для младенца. Новоприбывшая младшая жена также получала в подарок подходящие для нее драгоценности вскоре после того, как ее купали, и тогда же главный евнух назначал ей слуг из числа дворцовой прислуги.

Хотя сам отец жил очень просто, он был требовательным к своим домашним. Никто из нас – начиная самым старшим из детей и кончая самым младшим евнухом – не должен был появляться перед ним иначе чем в полном наряде. Мы, маленькие девочки, заплетали свои волосы во множество тонких косичек, которых иногда бывало целых двадцать. Их концы связывались вместе, и из середины свисало на спину массивное золотое украшение. Или же к каждой косичке подвешивалась маленькая золотая медаль с благочестивой надписью; эта прическа была гораздо привлекательнее. Когда мы ложились спать, с нас снимали только эти украшения, а утром надевали их снова. Пока мы, девочки, не выросли настолько, чтобы ходить под покрывалом, мы носили челки – такие, какие сейчас модны в Германии. Однажды утром я тайком убежала, не позволив причесать свою челку, и пошла к отцу за французскими леденцами, которые он каждое утро давал своим детям. Но вместо того чтобы получить ожидаемые сладости, я была выведена из комнаты оттого, что пришла не полностью готовой к выходу, и слуга отвел меня обратно на то место, с которого я сбежала. С тех пор я очень следила за тем, чтобы никогда не появляться на глазах у отца не будучи при полном параде.

Близкими подругами моей матери считались две из младших жен, которые были, как и она, черкешенками и привезены из того же округа, что и она. А у одной из этих моих черкешских мачех были двое детей, дочь Хадуджи и сын Маджид, младше дочери. Их мать договорилась с моей, что та, которая переживет другую, будет заботиться о детях обеих. Но когда Хадуджи и Маджид похоронили свою мать, они были уже достаточно взрослыми, чтобы обойтись без помощи моей. В нашей семье мальчики обычно оставались под опекой матери до восемнадцати или двадцати лет, а когда принц достигал этого возраста, то объявляли, что он стал совершеннолетним, то есть его официальное совершеннолетие наступало раньше или позже, в зависимости от того, хорошо или плохо он себя вел. После этого он считался взрослым, чего на Занзибаре желают так же горячо, как в любой другой стране. Тогда же ему преподносят в дар дом, слуг, лошадей и прочее, не считая щедрого денежного содержания, которое выплачивают раз в месяц.

Так и мой брат Маджид достиг совершеннолетия, которое заслужил больше своим характером, чем возрастом. Он был сама скромность и покорила все сердца своими очаровательными манерами и обаянием. Ни одной недели не проходило без того, чтобы он не приехал на коне в Бет-иль-Мтони (он так же, как его покойная мать, жил в Бет-иль-Сахеле). Хотя он был старше меня примерно на двенадцать лет, он играл со мной так, словно мы были ровесниками.

Однажды он приехал с радостным известием, что отец объявил его совершеннолетним, дал ему независимое положение и предоставил собственный дом. И Маджид стал очень настойчиво упрашивать мою мать переехать вместе со мной жить к нему, на новое место. Сообщение об этом же прислала и Хадуджи. На эту горячую просьбу моя мать возразила, что не может ответить «да» без согласия султана, и сказала, что сперва должна посоветоваться с ним, что же касается ее самой, она бы охотно стала жить у Маджида и Хадуджи, если они этого желают. Но Маджид предложил моей матери избавить ее от этой заботы: он сам попросит разрешения у султана. И действительно, на следующий день – случилось так, что мой отец был тогда в Бет-иль-Сахеле, – он принес нам такое желанное разрешение. Так было принято решение о нашем переезде. После долгого разговора моей матери с Маджидом наш отъезд был отложен на несколько дней, чтобы за это время он и Хадуджи успели сделать все необходимые приготовления.

Глава 2

Бет-иль-Ваторо

Вера мусульман в предопределение. – Подарки при отъезде. – Короткая поездка на государственном катере. – Бет-иль-Ваторо. – Арабская мебель и украшения арабских домов. – Тоска по прежнему дому. – Бойцовые петухи Маджида. – Достижения амазонки. – Устные и письменные сообщения. – Высокомерие Хадуджи.

В конечном счете эти перемены не были легкими для моей матери. Она была очень привязана к Бет-иль-Мтони, потому что провела в нем большую часть своей жизни. Кроме того, она не любила ничего нового. Но – как она позже сказала мне – мысль, что она, возможно, будет в силах чем-то помочь детям подруги, оказалась сильнее личных склонностей. Как только стало известно, что она решила переехать, со всех сторон зазвучало жалобно: «Джилфидан (это было имя моей дорогой матери), разве ваше сердце закрыто для нас, что вы покидаете нас навсегда?» – «Ах, мои друзья, – отвечала она. – Я покидаю вас не по своей воле, мой отъезд был предопределен свыше». Нет сомнения, что некоторые читатели мысленно посмотрят на меня с жалостью или пожмут плечами из-за того, что я говорю «предопределено». Возможно, эти люди до сих пор закрывали свои глаза и уши перед волей Бога, отвергая проявления Его Божественного присутствия в мире и давая все на полную волю случая. Нужно, конечно, отметить, что я родилась в мусульманской вере и в ней была воспитана. Более того, я рассказываю об арабской жизни и об арабской семье, где – если это настоящая арабская семья – были совершенно неизвестны две вещи: слово «шанс» и материализм. Мусульманин признает Бога не только своим создателем и хранителем, но и ясно осознает, что Господь присутствует везде; он верит, что всеми делами, большими и малыми, должна править не его собственная воля, а воля Господа.

Несколько дней были потрачены на приготовления, а потом мы ждали возвращения Маджида, который должен был сам руководить нашим переездом. Я особенно жалела, что расстаюсь с тремя товарищами по играм – двумя из своих сестер и одним из братьев, которые были почти одного со мной возраста. С другой стороны, я очень радовалась, что прощаюсь с нашей новой суровой учительницей. Из-за нашего будущего отъезда наши комнаты были похожи на большой пчелиный улей. Все приносили нам – каждый соответственно обстоятельствам своей жизни и силе привязанности к нам – приносили нам прощальные подарки: там это очень популярный обычай. Ничто не заставит араба оставить уезжающего друга без подарка, каким бы мелким ни был тот дар, который он способен преподнести. Я вспоминаю один случай в этом роде. Однажды – я тогда была совсем маленькой девочкой – мы побывали на плантации и собирались возвращаться на лодках домой, в Бет-иль-Мтони. Вдруг я почувствовала, что кто-то слегка дернул меня за рукав, повернулась и увидела маленькую старую негритянку. Она подала мне что-то, завернутое в листья банана, и сказала: «Это вам, хозяйка, в честь вашего отъезда. Это первый созревший плод с моего поля». Я быстро развернула листья и обнаружила внутри только что сорванный початок кукурузы. Я не знала эту старую негритянку, но позже мне стало известно, что она долгое время была любимицей моей матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.